Л. Кормчий

Путешественники

Мировая книжка

Л. Кормчий

Путешественники

«ЭНАС»

1908

УДК 82-3
ББК 84-44

Кормчий Л.

Путешественники / Л. Кормчий — «ЭНАС», 1908 — (Мировая книжка)

ISBN 978-5-91921-332-1

Приключенческая повесть о двух неугомонных мальчишках принадлежит перу талантливого русского писателя начала XX века Л. Кормчего (подлинное имя – Леонард Пирагис). Неразлучные приятели Ленька и Володька, начитавшись книг о жизни на Диком Западе, мечтают об Америке – о бесконечных прериях, быстроногих мустангах и краснокожих индейцах. Юные души жаждут приключений. Однажды ребята сбегают из дома, угоняют лодку и отправляются в путешествие… Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-332-1

© Кормчий Л., 1908
© ЭНАС, 1908

Содержание

Предисловие от издательства 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 27
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Л. Кормчий
Путешественники

Предисловие от издательства

О биографии Л. Кормчего известно мало. Настоящее имя Л. Кормчего – Леонард Пирагис. Родился он в Санкт-Петербурге в 1876 году. До начала литературной деятельности работал учителем русского языка. Свои первые публикации – до появления постоянного псевдонима – он подписывал инициалами «Л. Ю. П.». Писатель также использовал псевдонимы Л. Гданский, Л. Зорькин, Петр Рощин и другие. Но под каким бы псевдонимом он ни писал, произведения Л. Кормчего всегда отличались прекрасным литературным русским языком и увлекательной фабулой. Один знакомый писателя, Г. И. Гроссен, вспоминал о нем так: «Кормчий был большой оригинал. Он владел неисчерпаемой фантазией, смотрел на жизнь „сверху вниз“». После революции следы писателя теряются в зарубежье.

Свой первый рассказ (подписанный инициалами «Л. Ю. П.») писатель публикует под впечатлением от революции 1905 года в декабрьском номере газеты «Обновленная Россия». С 1908 года Л. Кормчий, к тому времени определившийся с этим постоянным псевдонимом, становится сотрудником журнала «Всходы», где издает свои повести и рассказы вплоть до закрытия журнала в 1917 году. Там же вышли и самые известные подростковые повести писателя «Юрка», «Красавчик» и «Путешественники».

«Путешественники» – приключенческая повесть о двух неугомонных мальчишках, начитавшихся увлекательных историй о Диком Западе. Главные герои повести, Ленька и Володька, настолько жаждут приключений, что однажды решаются угнать лодку и отправляются в путешествие. Но вместо заманчивого Дикого Запада их ждут совсем иные края, и юным путешественникам предстоит пережить приключения, которых они не ожидают…

Глава 1

Мои «единственные» родственники. – Дядя Ваця и тетя Миля. – Необыкновенное явление. – Вестник несчастья. – Как относилась тетя Миля к культуре. – Храбрость дяди Ваци. – Поразительная весть. – Я не разделяю взглядов своих родственников.

Мы только что поужинали.

Тетя Миля, раскачиваясь своим высоким и прямым как палка станом, гремела посудой. Я занял свой любимый уголок на диване, где обычно дремал с часок после ужина, перед отходом ко сну.

Летний день охватывал меня массой разнородных впечатлений. Усталость, незаметная за день, вдруг сковывала члены и смыкала глаза помимо воли. Не хотелось покидать уголок на диване, хотя тетя Миля уже несколько раз бросала на меня проницательные взгляды.

– Шел бы ты спать!

– Я еще немножко посижу, тетя Миля… Немножко… – необычайно нежно и уже сонным голосом отвечал я, не желая двинуть ни одним членом.

Тетя Миля, высокая сухая старушка (ей было лет шестьдесят), приходилась мне ближайшей родственницей и, как она постоянно говорила, «единственной». Она часто толковала мне, что кроме нее у меня нет близких родных, и, признаться, мне всегда казалось, будто старушка говорила это не совсем искренне. Кроме нее у меня было несколько дядей и теток, и хотя я к ним никогда не питал особенных родственных чувств, но все-таки думал, что и они приходятся мне родней.

Конечно, тетю Милю я не променял бы ни на одного из них, – я ее видел постоянно возле себя с тех пор, как исчезло кроткое и молодое лицо моей матери. Она умерла, оставив меня на попечении тети Мили, и та так усердно принялась за мое воспитание, что мне казалось, будто она и есть моя мать, правда сильно постаревшая… Эта иллюзия еще больше усиливалась сходством между ними: тетя до мельчайших подробностей была похожа на мою мать.

И тетя Миля ни за какие блага на свете не уступила бы никому из них своих родственных прав надо мной.

Она относилась к прочим моим дядям и теткам снисходительно, признавала их моей родней, но себя считала самой близкой мне, и никакие доводы не могли бы поколебать ее старческого упорства, с каким она заявляла себя «единственной» моей родственницей.

– Много ты понимаешь! – говаривала она мне, когда я иногда брался защищать права прочих родных. – Много ты понимаешь! Ведь я-то твою мать на руках вынянчила. Я ей как мать близка. А те-то, – тетя Миля презрительно усмехалась, – те, дружок, без году неделю Анечку-то и знали всего.

Дядя Ваця[1] (муж тети Мили), маленький добродушный старичок, не заявлял на меня родственных претензий, – тетя Миля не позволила бы ему этого. Она допускала, чтобы я называл его дядей, но всегда, при каждом удобном случае не без ехидства подчеркивала, что дядей-то он приходится только благодаря ей. Дядя Ваця не спорил со своей супругой и уступал ей это первенство.

Дядя Ваця был, вероятно, самым добродушным человеком в мире. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы он сердился или кричал.

---

[1] *Ваця* – сокращение от Вацлав.

Его лицо с тихими голубыми глазами, оправленными множеством мелких морщинок, было всегда спокойно и ласково усмехалось, а грушевидный красный нос смотрел над гигантскими «польскими» усами добродушно и весело.

Дядя Ваця, несмотря на свою тщедушную фигурку, был героем. Он очень любил вспоминать свою юность и услаждал мой слух многочисленными рассказами, где он обычно играл самую выдающуюся и самую благородную роль. И я, слушая его, всегда увлекался дядиной храбростью и благородством. Бесконечные рассказы дяди Ваци о польском восстании, где он, конечно, играл немаловажную роль, только благодаря завистникам забытую историей, восхищали меня, и я переполнялся уважением к мужу моей «единственной» родственницы.

Он торжественно показывал мне рубец своей единственной раны – след казацкой сабли на указательном пальце правой руки, и я благоговейно рассматривал его, содрогаясь ужасом кровопролитных схваток повстанцев с русскими отрядами, поражаясь благородству поляков, которые, по описаниям дяди Ваци, все до одного обладали качествами Скшетусских, Володыевских и других благородных героев Сенкевича[2].

Одно только немного смущало меня: как ни силился я представить себе дядю Вацю молодым, сильным и мужественным, я никак не мог. У меня получался в воображении или герой, ничего общего не имевший с моим дядей Вацей, или он сам, но только в своем настоящем виде, обязательно лысый, и вместо кунтуша[3] на нем болтался неизменный серый пиджак. Гигантские усы развевались по ветру, нос добродушно тянулся к врагам, а глаза тихо улыбались.

Тетя Миля скептически относилась к рассказам дяди Ваци. Она слушала, углубленная в бесконечное вязание толстых серых чулок, и ее сухие губы насмешливо улыбались. А когда дядя входил в особенный азарт и, увлекшись, увеличивал число убитых им врагов до диковинных размеров, два глаза из-под очков устремлялись на него, и дядя Ваця вдруг начинал заикаться, путаться.

– Что ты смотришь на меня? – спрашивал он в конце концов тетю.

– Ничего, – хладнокровно отвечала тетя и, обращаясь ко мне, спрашивала: – А знаешь, как он получил вторую рану, под Биржей[4]?

Дядя Ваця раздражался.

– Под Биржей! – восклицал он. – Да под Биржей пролилось крови больше, чем во время осады Севастополя!

Тетя Миля не обращала на него внимания и насмешливо-спокойно продолжала:

– Видишь ли… Собрались они там где-то возле леса. (Тут дядя начинал волноваться.) Ждали помощи. Вдруг откуда ни возьмись появились три казака, должно быть разведчики. Обычно в его глазах все увеличивается в тысячу раз, – ну, и казаков оказалось бессметное множество. (Дядя нервно вертел папиросу и делал вид, что не слушает рассказа.) Он и гаркнул: «Панове! До лясу!» – да сам первый и пустил свою клячу в чащу… По дороге большая ветка зацепила за его чамару[5], он и повис, а кто-то из своих, проезжая мимо, вытянул его плетью. Вот откуда его вторая рана!

Тетя заливалась смехом, довольная своей шуткой, а дядя Ваця, задетый за живое, хмурился и старался сделать вид, что не обращает ни малейшего внимания на выходку своей супруги, и с оскорбленным выражением на лице молча курил свою «банкротку»[6].

Был уже одиннадцатый час. Дядя Ваця, придвинув к себе лампу, оснастив громаднейшими очками нос, углубился в книгу, большую, с желтыми от времени листами. Тетя Миля,

---

[2] *Сенкевич Генрик* (1846–1916) – польский писатель.

[3] *Кунту́ш* – верхняя мужская одежда типа кафтана с широкими рукавами, которые спереди были разрезаны до локтя.

[4] *Би́ржа* – город на севере Литвы.

[5] *Чама́ра* – сюртук с рядом мелких пуговиц по обоим бортам, длинными петлицами из шнурков и низким стоячим воротником.

[6] *Банкро́тка* – *здесь*: самодельная папироса.

покончив с уборкой посуды, уселась в удобное старинное кресло и принялась перебирать вязальные спицы.

В комнате было совсем тихо. Только мерно и гулко стучали часы с поразительно длинным маятником, да сквозь закрытые ставни доносился шелест деревьев. Где-то в углу жужжала беспрерывно муха, попавшись в лапы паука, и начинал свою однотонную песню сверчок.

Вдруг кто-то застучал во входную дверь, застучал сильно и резко.

Тетя Миля вздрогнула, побледнела и, спустив со спицы несколько петель, застыла на месте:

– Господи! Кто это?

Дядя Ваця тоже встревоженно поднял голову.

– Кому бы приходить в такой час?

Их беспокойство передалось и мне. Дремота улетучилась, и я почувствовал некоторую жуть.

Дядя Ваця, чтобы скрыть волнение, принялся сворачивать папиросу, но руки у него заметно дрожали, а тонкая папиросная бумага рвалась не так, как было нужно.

Стук повторился снова и настойчивее.

– Вацлав, ты бы посмотрел… – нерешительно проговорила тетя.

– Да… да… – дядя заерзал на стуле. – Я сейчас. Вот папироса только не делается.

Папироса в конце концов сделалась. Дядя вставил ее в длинный деревянный мундштук и, оправив зачем-то усы, пошел в сени.

– Только ты не вылезай сразу! – дала ему совет тетя Миля. – Мало ли что может случиться.

– Ладно, успокойся. Слава Богу, видывал! – отозвался в ответ ей дядя.

Мы остались в ожидании.

Из сеней донесся голос дяди Ваци, сурово спрашивавший кого-то:

– Кто там?

Затем голос дяди тревожно дрогнул и осведомился:

– Да сюда ли?

После этого заскрипела дверь, и через секунду дядя быстро прошел в спальню.

– Что? Кто там? – спросила его тетя.

Он только рукой махнул. Выбежал с пером в руках к столу и принялся расписываться на какой-то полоске бумаги.

Тетя Миля прямо остолбенела. Глаза ее расширились, и она с ужасом следила за дядиной рукой, дрожавшей от сильного волнения.

– Телеграмма? – прошептала тетя Миля.

Дядя кивнул головой. Кое-как удалось ему расписаться, и он снова побежал к сеням.

На столе осталась аккуратно сложенная бумажка, и меня сильно поразил тетин страх перед ней.

Тетя боялась телеграмм. За всю свою жизнь она получила всего одну телеграмму, когда умер ее отец, и поэтому питала к ним нескрываемый ужас.

– Они только несчастья приносят, – говаривала она, – и ни за что на свете не рискнула бы я послать кому-нибудь хотя бы даже поздравительную телеграмму. Нет, уж я этих новостей не понимаю, – всегда заявляла она. – Не так давно появились эти телеграммы. У нас все письма писали, и хорошо было, а пошли телеграммы – и несчастья за ними! Не понимаю, чего люди торопятся тревожить других несчастьями? Не поспеют будто! За два часа от Варшавы до Петербурга вести разносят. Нет, это, видно, перед концом света такие изобретения пошли!

Вернулся дядя Ваця. Он тоже разделял тетины взгляды на телеграммы, и ему тоже казалось, что ничего, кроме несчастья, они принести не могут.

Я поднялся с дивана и, заинтересованный телеграммой, хотел было взять ее в руки, но тетя Миля резко остановила меня:

– Не тронь! Так ведь и лезешь на несчастье!

Я остался в сильном недоумении.

Наконец дядя Ваця, собравшись с духом, распечатал телеграмму.

Лицо его немного прояснилось, и он облегченно вздохнул.

– Ну, еще не совсем… Хотя все-таки! – выговорил он.

– Что там? – осведомилась тетя.

– Елизавета Матвеевна пишет, – дядя покосился на меня, – что Володя скрылся из дому…

Меня словно молотом по голове ударило. Не веря своим ушам, я переспросил дядю:

– Володька? Неужели в Америку убежал?

– А то кто же? Только тут, брат, неизвестно, в Америку или куда еще в другое место. Просто скрылся из дому.

Но я-то знал, куда мог скрыться Володька! У меня не было ни капельки сомнений на этот счет.

Володька Сидоренко, о котором сообщала телеграмма, был моим лучшим другом. Его мать и тетя Миля находились в тесных приятельских отношениях, и благодаря этому мы познакомились еще задолго до училища и очень скоро сошлись друг с другом.

Тетя Миля только этой весной заполучила в наследство от кого-то домик в Беляеве, в двух верстах[7] от Шлиссельбурга[8], в котором мы и поселились на лето, а раньше я обычно проводил летние месяцы у разных родных на дачах и два последних года коротал каникулы вдвоем с Володькой.

Жил Володька и лето и зиму под Петербургом, неподалеку от деревни Емельяновки, напротив Гутуевского порта, рядом с Финским заливом, где его отец занимал должность начальника морской таможни.

---

[7] *Верста́* – русская мера длины, равная 1,0668 км.

[8] *Шлиссельбург* – город на берегу Невы, у ее истока из Ладожского озера.

Весело мы с ним проводили каникулы! Близость моря и коммерческого порта со множеством громадных океанских пароходов воодушевляла нас на всевозможные похождения. Тут мы превращались в пиратов и, выезжая по ночам на легком челноке, угоняли на другую сторону речки Екатерингофки все лодки, какие только попадались нам под руку, к великому негодованию жителей Емельяновки, которым приходилось подолгу разыскивать свои суда. Иногда становились разбойниками и забирались в чащу Шереметевского леса, обсуждая самые необыкновенные предприятия. А то изображали индейцев и отправлялись в Гутуевский порт совершать набеги на «вигвамы бледнолицых», то есть пакгаузы с кокосовыми орехами и апельсинами. Словом, работы у нас было много, и приключения встречались на каждом шагу.

Оба мы были поклонниками Эмара, Купера, Майн Рида и прочих подобных им писателей, оба восторгались Америкой и мечтали бежать из дому. Мы даже поклялись однажды самой торжественной клятвой, что обязательно поедем в Америку, и имена себе выбрали подходящие, чтобы не ударить в грязь лицом перед настоящими лесными бродягами Нового Света. Белый Орел – было прозвищем Володьки, мое – Ясный Взгляд.

И теперь телеграмма сообщила, что Володька первый выполнил нашу заветную мечту!

– Вот и воспитание, – говорила между тем тетя Миля, покачивая головой. – Больно много воли дали ребенку. Ведь до каких выдумок доходили они вдвоем! За два лета, что наш погостил у них, его и не узнать стало: вольница, разбойник какой-то сделался… Вот воля-то и довела! В двенадцать лет из дому сбежал! Ну и дети нынче! В бродяги записался!

– А это потому, что книги разные читают, – поддержал ее дядя. – В мое время этого не было. А теперь какие-то там Майн Риды врут с три короба, а эти тают от их книг!

Я не мог согласиться с дядей. Он так легкомысленно оскорбил моих любимых писателей, что я, вспыхнув негодованием, хотел было вступиться за них, но удержался, сообразив, что дядя Ваця все равно меня не поймет.

«Ладно! Пусть себе!» – решил я и стал спокойно слушать дальнейшие нападки дяди на моих любимцев.

– Вот товарищ твой, – говорила мне тетя Миля, – отца, мать бросил и бродяжничать начал. Это порядочных-то родителей сын!

Я не возражал, хотя не мог согласиться с тетей Милей. Она, как мне казалось, совсем бестолково смешивала понятия «бродяга» и «путешественник» и не могла постичь великих идей, руководящих каждым мальчиком-беглецом! Я только жалел в душе тетю Милю за ее неразвитость и завидовал Володьке.

В эту ночь я долго не мог уснуть. Володька занял все мои помыслы. Я представлял себе, как он в благодатной Америке уже воюет с индейцами. И к моей зависти примешивалось чувство обиды на друга – за то, что он уехал один, без меня.

Когда наконец я заснул, мне приснился Володька в образе вождя племени команчей, скальпирующий убитого апачи и издающий громкий военный клич.

Глава 2

Утро в Беляеве. – Литературные вкусы тети Мили. – Записка. – Белый Орел. – Встреча с другом. – Непонятливость Федьки. – Как путешествовал Володька. – Заманчивое предложение. – Согласен.

Об уроках я и думать не мог. Передо мной лежала хрестоматия с самым ненавистным для меня произведением, почему-то очень нравившимся тете Миле. Это был «Каннитферштан» Жуковского – длинный, словно железная дорога, и неуклюжий, как товарный поезд.

Тете Миле нравилось все прочное, веское и тяжелое. Вся мебель у нее была массивная, старая, но такая прочная, что вполне могла пережить тетину родню до десятого колена включительно. Это стремление ко всему основательному руководило ею и в искусстве. Она любила стихи Жуковского вроде «Воскресного утра в деревне» и заставляла меня ежедневно вдалбливать в голову по крайней мере двадцать строчек этих литературных перлов.

Сегодня мне было не до «Каннитферштана». Наивный немец, простота которого умиляла тетю Милю до слез, меня только бесил и раздражал, а если что и могло удивлять меня в этом произведении, так это непроходимая глупость его героя.

Я сидел за книгой, пока тетя Миля была поблизости. С затасканных книжных страниц на меня глядел бесконечный ряд стихов. Я прочел первые два из них, но дальше идти был не в состоянии: длинный, тягучий размер тяжелых, словно гиря на веревке, стихов убил во мне последнюю искру энергии. Совершенно посторонние мысли нахлынули на меня и далеко оттеснили недогадливого немца, оставив его бродить по чуждой Голландии.

Вчерашняя телеграмма и Володька не давали мне покоя. В голове вертелись картины из прочитанных книг об Америке, с индейцами, храбрыми охотниками, целыми стадами бизонов и диких лошадей, и всюду обязательно фигурировал мой друг – то в образе благородного охотника, то индейца, вышедшего «на тропу войны».

В открытое окно надоедливо совал большие лапчатые листья дикий каштан. Солнечный луч пятнами проникал сквозь листву, разбегался по полу и стенам веселыми бликами, не стоявшими спокойно на месте, словно ртуть. Громадная муха жужжала в углу, неуклюже кружилась по комнате и наполняла воздух сонным, однообразным «з-з-з…».

Я подошел к окну. Сквозь деревья сверкала полированной сталью Нева, тихая, без малейшей зыби. У обрыва двое рыбаков выбрасывали из баркаса рыбу, и она, сверкая серебряными пластинками в воздухе, падала куда-то вниз.

Два крестьянских мальчика купались у противоположного берега, брызгая друг в друга водой. Их загорелые, почти бронзовые тела напоминали мне индейцев. Я задумался.

– Эй, слышь! – вывел меня из задумчивости шепот под окном.

Я выглянул в сад. Из кустов сирени, разросшихся возле окна, вынырнула хитрая физиономия крестьянского мальчугана, моего спутника в играх и неизменного сподвижника всяких похождений, затеваемых мною.

– Чего, Федька? – спросил я.

Федька таинственно поманил меня.

– Выдь-ка!

– Не могу, тетя увидит.

– Не увидит! Письмо тебе.

Федька извлек из-за пазухи небольшой клочок бумаги и показал мне.

Я с недоумением поглядел на Федьку.

– Письмо? От кого?

– Не знаю. Барич приезжий велел отдать.

Почему-то от этих слов я почувствовал необычайное волнение. «Не Володька ли?» – молнией пронеслась радостная мысль.

– Какой барич? – вылезая в окно, осведомился я и, торопясь поскорее выбраться в сад, оторвал чуть ли не половину рукава, задев им за какой-то гвоздь.

– Не знаю, – ухмыльнулся Федька. – В кустах сидит и ждет.

Я развернул бумажку.

«Брат Ясный Взгляд! Белый Орел приехал и ждет своего брата, великого охотника.

Белый Орел».

Это был перл американского лаконизма, он мог принадлежать только Володьке. Об этом говорили и каракули, вкривь и вкось разбежавшиеся по бумажке. Такую каллиграфию Володька называл скорописью, и другого подобного способа письма мне никогда не приходилось видеть.

Волнение мое усилилось, и, вероятно от радости, сердце так заколотилось в груди, что рука не могла спокойно держать записку и ходила ходуном, как у дяди Ваци, когда он брался вдеть нитку в иголку.

– Где он? Пойдем скорее к нему! – заторопил я Федьку.

– Да у ручья в лозняке!

– Ну, пойдем скорее, а то тетка увидит и вернет меня! – торопил я, вприпрыжку удирая за кусты.

И вовремя: когда я случайно оглянулся, огибая дом, в окно глядело изумленное лицо тети Мили, высматривающее что-то в саду.

Через пять минут мы были уже у ручья. Володька вышел из кустов, и я даже ахнул от неожиданности: передо мной стоял настоящий американский охотник с горделивой осанкой. Правда, настоящих американских охотников я никогда не видел, но мое воображение создало для них, как мне казалось, самый подходящий образ, а Володькин очень близко подходил к нему.

Широкополую соломенную шляпу он надвинул на глаза, коломянковые[9] куртка и панталоны, заправленные в голенища сапог, были похожи на грубую ткань охотничьих одежд, а сами сапоги, хотя и не отличались ничем от моих, показались мне прекрасными буйволовыми гетрами. В Володькиных руках сверкала дулом великолепная двустволка, по бокам висели патронташ и пороховница, и у пояса болтался большой финский нож. Словом, это был самый настоящий американский стрелок, да и только.

Первую минуту мы стояли друг перед другом в самых глупых позах и молчали. Потом Володька, видимо довольный впечатлением, произведенным на меня, самодовольно усмехнулся.

– Что, не ожидал?

Проговорил он это тоном какого-то снисходительного превосходства, от которого меня всего передернуло.

Федька смотрел на нашу встречу, остановившись в сторонке, и усмехался своей хитрой улыбкой. Он, видно, сообразил, в чем тут дело, но оставил свой вывод при себе.

– Пойдем к лодке! – предложил Володька, после того как мы пару минут молча созерцали друг друга.

Встреча была такой неожиданной, что я не мог прийти в себя. Мне нужно было многое сказать приятелю, и, пока я шел сюда вслед за Федькой, меня осаждали многочисленные вопросы. Но теперь все они вылетели из головы, и я не знал, о чем заговорить.

Я пошел за Володькой, Федька поплелся следом за мной.

---

[9] *Коломя́нковый* – из коломя́нки, плотной льняной ткани с добавлением пеньки.

По обеим сторонам ручья тянулись кусты ивняка, совершенно скрывая его под своими ветвями. В том месте, где ручей впадал в Неву, кусты особенно низко свешивались над небольшой выемкой берега, совсем прикрывая ее, и образовывали маленькую бухточку, укрытую куполом зелени. Здесь и было Володькино убежище.

Красивая двухвесельная шлюпка, выкрашенная в белый цвет, тонула в листьях ивняка. В ней лежало несколько свертков Володькиных припасов, а надпись на носу, выведенная черными буквами, звучала гордо и сразу изобличала владельца лодки. «Орел снеговых гор», – было написано на ней, явно в честь храброго старика канадца из романа Ферри.

– Вот моя лодка! – входя в шлюпку, заявил Володька.

– Володька! Да ты и взаправду в Америку едешь? – воскликнул я, полный восхищения и тайной зависти к другу.

– Конечно. А ты знаешь уже?

Я поспешно рассказал ему о телеграмме.

Володька нахмурился, видимо под влиянием каких-то воспоминаний. Однако больше ничем он своих чувств не выдал и через минуту уже не без довольства заметил:

– Уже и телеграмма! Ловко!

– Ты, стало быть, беглец! – выпалил вдруг Федька, за все время не проронивший ни слова.

Он с нескрываемым любопытством обозревал фигуру Володьки, и тот чувствовал себя неловко от его пристальных взглядов.

– Не беглец, а путешественник! – с досадой поправил Володька. – Беглецы – это что из тюрем убегают.

– Все равно. Ты ж от родителев сбежал, – вот и беглец!

Федька так же возмутительно путал понятия, как и тетя Миля, и мне стало совестно за него перед Володькой.

– Да ну тебя, Федька! – с досадой отозвался я и принялся объяснять ему разницу между беглецом и путешественником.

Но Федька явно не понимал меня и с упрямством убежденного человека повторял:

– Сбежал – так беглец!

– Ну его! – остановил меня Володька. – Много он понимает!

Он презрительно пожал плечами.

– Расскажи, как ты сюда добрался… – попросил я его.

Володька снизошел к моей просьбе. Он степенно вытащил папиросу, неспешно закурил ее и затем уже принялся рассказывать, как-то странно поплевывая углом рта, что придавало ему солидности. Вероятно, так должны были плевать американские охотники.

Володька уже три дня находился в пути. Ружье и все принадлежности к нему он «занял» у отца, а лодку – в таможне Гутуевского порта.

– Знаешь, на ней Василий постоянно ездил, – пояснил он.

Василий – наш добрый знакомый, таможенник, не раз угощавший нас всякими продуктами юга в то время, когда я гостил у Володьки.

Целый ворох всякой провизии мой приятель нашел, конечно, в кладовой у матери, а опустошенная копилка составила запасной капитал.

Ровно три дня Володька поднимался против течения к Шлиссельбургу, подчас прицепляясь к караванам барок, тянувшихся на буксирах, и сегодня утром наконец добрался до Беляева.

Сначала он сам хотел явиться к нам, но, сообразив, что это может повлечь за собой всякие недоразумения, решил послать мне записку с первым встреченным мальчуганом. Ему попался Федька, лучше которого вряд ли кто сумел бы выполнить это поручение.

Такова была в нескольких словах история Володькиного путешествия. Конечно, он рассказал ее гораздо пространнее и не забыл порисоваться передо мной, с умыслом говоря весьма небрежно о самых интересных своих приключениях.

– Теперь поеду дальше, – закончил он.

– А зачем ты сюда ехал? – спросил я его. – Ведь по Финскому заливу лучше.

– Там могли поймать! Ведь все на запад едут, а я нарочно на север. Кому в голову придет искать? Да там и через шведскую границу легче перебраться…

Мне показалось, что не одни эти причины заставили моего друга ехать к Шлиссельбургу. Он по чему-то не договаривал самой сути дела. А я ждал, когда он предложит мне ехать с ним вместе.

Мы замолчали. Володька принялся перебирать свертки. Время от времени он вопросительно поглядывал на меня и будто хотел что-то сказать, но не решался. Я догадывался, о чем он хотел заговорить, однако первый не начинал разговора.

– Ты когда ехать собираешься? – спросил я.

– Утром… – Володька низко наклонился над свертками. – Утром не так жарко…

Наконец он все-таки решился.

– Ленька… А ты никогда… не поедешь в… Америку? – спросил он, не глядя на меня.

– Нет… Не знаю, право… Может быть…

Совсем не это хотелось мне сказать, и я крайне досадовал на свой глупый ответ, почему-то сорвавшийся с языка. Даже губу закусил от досады.

– А поехать со мной не хочешь? – стараясь придать своему вопросу самый безразличный тон, снова проговорил Володька.

Он даже вздумал беспечно свистнуть, но горло дрогнуло, и свист не вышел таким, как ему хотелось: хладнокровие изменило.

Этого вопроса только и не хватало, хотя он совсем не был для меня неожиданностью. Я даже вздрогнул.

Страсть к приключениям, никогда не покидавшая моей взбалмошной головы, вихрем ярких картин пронеслась в мозгу. Даже голова закружилась. Откуда-то издалека выплыл на секунду образ тети Мили, но только на секунду. Волна новых видений, нахлынув, смыла пестрыми красками этот серенький, но близкий и дорогой образ. Он стушевался и пропал. Остались только бизоны, индейцы, степи, леса. В ушах стояли дикие военные кличи, перед глазами сверкали медно-красные лица, блистали копья, ножи, томагавки, вспыхивали ружейные выстрелы… Тут даже дядя Ваця не мог бы устоять!

Я вскочил на ноги так стремительно, что чуть не опрокинулся в воду.

– Хочу! – воскликнул я громко и восторженно. – Поеду!

Мои глаза, вероятно, сверкали восторгом, на лице я чувствовал краску, а в груди – неистощимый запас энергии.

Володька радостно улыбнулся в ответ. Солидность, присущая американским охотникам, покинула его, и передо мной расплывалась в улыбке давно знакомая плутовская физиономия друга с черными веселыми глазами и беспокойно вздернутым слегка вверх носом.

– Я знал, что ты поедешь, – скороговоркой заговорил он. – Я знал… Я нарочно сюда при ехал… Отсюда мы прямо по Ладожскому озеру поедем… в Финляндию. А там пешком в Швецию… а оттуда юнгами в Америку махнем! – торопился он передать мне подробности своего плана, и было видно, что он очень рад моему согласию.

– Тут у меня карта есть, – продолжал он, показывая багаж. – Тут сардинки… Вот колбаса, кильки… Денег целых пять рублей… Нам хорошо будет! Ты из дому ничего не бери. Вот только белья разве… Я тоже захватил перемену.

Кто-то тронул меня за рукав. Это был Федька.

– И ты сбежишь? – спросил он.

– Да!

Федька печально тряхнул головой, и волосы, щеткой прикрывавшие ее, пришли в движение. Он смерил меня грустным взглядом, от которого во мне шевельнулась жалость к Федьке.

– Да ты, Федька, чего?

– Ничего, – опять кивок головой. – Только ты это зря… И тута весело, – печально проговорил он.

Федьке жалко было расставаться со мной, я это видел.

– Федька, бежим вместе! – предложил я опечаленному товарищу.

Федька с минуту подумал.

– Не… Изымают, так смерть одна.

– Не поймают! Мы ведь вон в какую сторону поедем. И невдомек никому, – увещевал я.

– Не изымают? А полиция-то? – Федька безнадежно свистнул. – А изловят, так батька все ребра поломает. Уж вы вдвоем ступайте! Все одно скоро назад приволокут! Только жалко тебя, мало ли что стретится на пути-дороге…

Уговорить Федьку не было никакой возможности, и мы только обязали его никому не выдавать нашей тайны.

Глава 3

Начало моего путешествия. – У костра. – Бродяги. – Бесцеремонный народ. – Беседа. – Косуля и Рыжик. – Как ездят «на пушку». – Добрый совет.

Когда совсем стемнело и в доме разнесся богатырский храп дяди Ваци (единственное, что выходило у него внушительно), я выбрался через окно в сад. Здесь меня ждал Федька. Обменявшись парой незначительных слов, мы направились к Володькиному убежищу.

Взрыв страсти к путешествиям у меня значительно ослаб. Было грустно. На грудь словно тяжесть легла. В голове носились мысли, но не радостные, не восторженные – ими завладели тетя Миля и дядя Ваця. Я молчал. Молчал насупившись и Федька, провожавший меня.

Все случилось так неожиданно, так скоропалительно, что я до сих пор не мог как следует поразмыслить, сообразить что-нибудь.

Пожалуй, если бы у меня было много времени для размышлений, мое путешествие могло и не совершиться. Уже теперь я почти неохотно брел к Володьке, как будто меня кто-то принуждал идти к ручью, под ивовые заросли, и ехать куда-то очень далеко, будто я выполнял чье-то поручение не особенно приятного характера.

До вечера я не появлялся дома, к немалому удивлению тети Мили, тщетно разыскивавшей меня, и пришел только за кое-какими вещами, необходимыми в дальней дороге.

Володька ждал меня. Федька, неотлучно, как тень ходивший за мной, поджидал под окном.

Мои сборы не заняли много времени. Время было уже позднее, поэтому тетя Миля освободила меня от длинного наставления, какими она обычно встречала всякую мою провинность, но пообещала «добраться до меня» завтра. Она, конечно, не подозревала, какой сюрприз я для нее готовил, и, почти насильно заставив меня выпить стакан чаю (у меня кусок в горло не лез), отослала спать.

– Когда я приучу тебя слушаться? Когда ты перестанешь огорчать меня? – тоном упрека сказала она, когда я по обыкновению прощался с ней на ночь.

В этот вечер я намного нежнее, чем обычно, поцеловал ее сухую морщинистую щеку, и при этом у меня комок стоял в горле и голос дрожал.

Тетя Миля заметила это, но приписала прилив таких нежных чувств исключительно раскаянию, охватившему меня за совершенный проступок, и растаяла от удовольствия, хотя и постаралась не показать этого.

Очутившись в своей комнате, я быстро связал в узелок перемену белья и переоделся в коломянковую пару. По моему мнению, это был более приличный для путешественника костюм, нежели бывшая на мне матросская блуза, к тому же сильно пострадавшая еще утром.

В копилке нашлось три рубля, которые я не замедлил положить в карман. Я был готов к отплытию. Только записка к тете надолго задержала меня.

Раз двадцать я принимался писать и столько же раз с неудовольствием рвал написанное: то записка казалась мне слишком чувствительной и потому недостойной путешественника, то слишком резкой и холодной по отношению к тете Миле.

Наконец удалось мне покончить и с этим делом. Я положил письмо на самое видное место на столе и вылез к Федьке.

Ночь была тихая, лунная. Звезды, как серебряные искры, рассыпались по черному небу и мерцали, дрожа в воде. Нева, спокойная, отражала их в себе, вся залитая матовым светом луны. Черной полосой тянулась по воде тень высокого берега, чуть-чуть шевелясь и колеблясь.

Далеко выдвигался на изгибе реки высокий выступ берега, и при лунном свете его вершина, покрытая росой, казалась меловой горой.

Где-то взвывал филин. Неслышная тонкая струя воздуха колебала листья на кустах.

– Ну, наконец-то! – встретил нас Володька. – Мне ждать наскучило!

Я вошел в лодку. Федька следом за мной: он провожал меня.

Володька вывел лодку из-под кустов. Несколько веточек задели меня по лицу, прошумели прощальным шорохом и замерли без движения.

Лодка, круто повернувшись, выехала на Неву.

Все мы молчали. Я бесцельно глядел на воду, сверкающим следом расплывавшуюся за кормой, и грусть сосала меня внутри. Володька греб и, казалось, весь сосредоточился на этом занятии. Однако и у него творилось что-то неладное на душе.

Федька не сводил с меня глаз.

– Ну, высадите, что ль! – наконец нарушил он молчание.

Володька повернул к берегу. Лодка бесшумно вошла под тень сосен и мягко, с шуршащим звуком врезалась в песок.

Федька выпрыгнул на берег.

– Прощай!

Я пожал Федькину руку, и мне сделалось еще грустнее.

– Прощай и ты! – кивнул Федька Володьке.

Это было сказано как-то сухо, словно нехотя. Я подумал, что он недоброжелательно относится к моему другу.

Федька оттолкнул лодку, ступив босыми ногами в воду. Она закачалась из стороны в сторону.

– Ну, так прощайте! – еще раз крикнул он нам.

– Прощай! – отозвались мы. – Только никому не говори, Федька!

– Ладно. Знаю. А вы вертайтесь поскорее.

Мы ничего не ответили.

Весла равномерно погружались в воду и опять поднимались, вода стекала с них светлыми блестящими каплями. Федька стоял на берегу и смотрел нам вслед. В тени белела только его рубашка.

Выступ приближался к нам. Он словно полз навстречу, чтобы поскорее отгородить меня от всего привычного: от тети Мили, дяди Ваци, мирно спавших в нашем маленьком домике, спрятанном под раскидистыми старыми деревьями, от Федьки – одинокого, печально застывшего на берегу, как гипсовая фигура.

Мы обогнули выступ.

– Прощайте! – донесся до нас последний возглас Федьки.

Его фигура скользнула белым пятном среди сосен и скрылась. Потом за поворотом исчезло Беляево, и перед нами развернулась другая часть Невы.

По холмистому берегу зубчатой полосой тянулся лес, длинной тенью прикрывая воду. Мы обогнали несколько барок, которые лениво тащились по течению. Мимо прошел хриплый буксир, словно выбиваясь из сил, уставившись красным и зеленым глазами в воду.

Нева снова сделала изгиб. Отсюда был виден Шлиссельбург. Посередине реки чернела крепость, кое-где мигали в домах огоньки. За крепостью серебрилась полоска воды. Ладожское озеро!

– Заночуем на берегу? – предложил Володька.

– Зачем?

– Да днем по озеру лучше плыть.

Я согласился, и Володька повернул к берегу.

Хворосту было много, и вскоре на берегу запылал большой костер, перемешав в багровом отблеске трепещущие тени.

Володька достал из лодки картошку, которую мы еще днем закупили в Беляеве.

– Поедим заодно! – заметил он и занялся приготовлением ужина.

Грусть понемногу проходила. Ее вытеснили свежие впечатления, и нам с каждой минутой становилось веселее.

Картошка испеклась. Мы, растянувшись возле огня, принялись за еду.

– Можно к огоньку, ребята? – вдруг раздался чей-то хриплый голос за моей спиной.

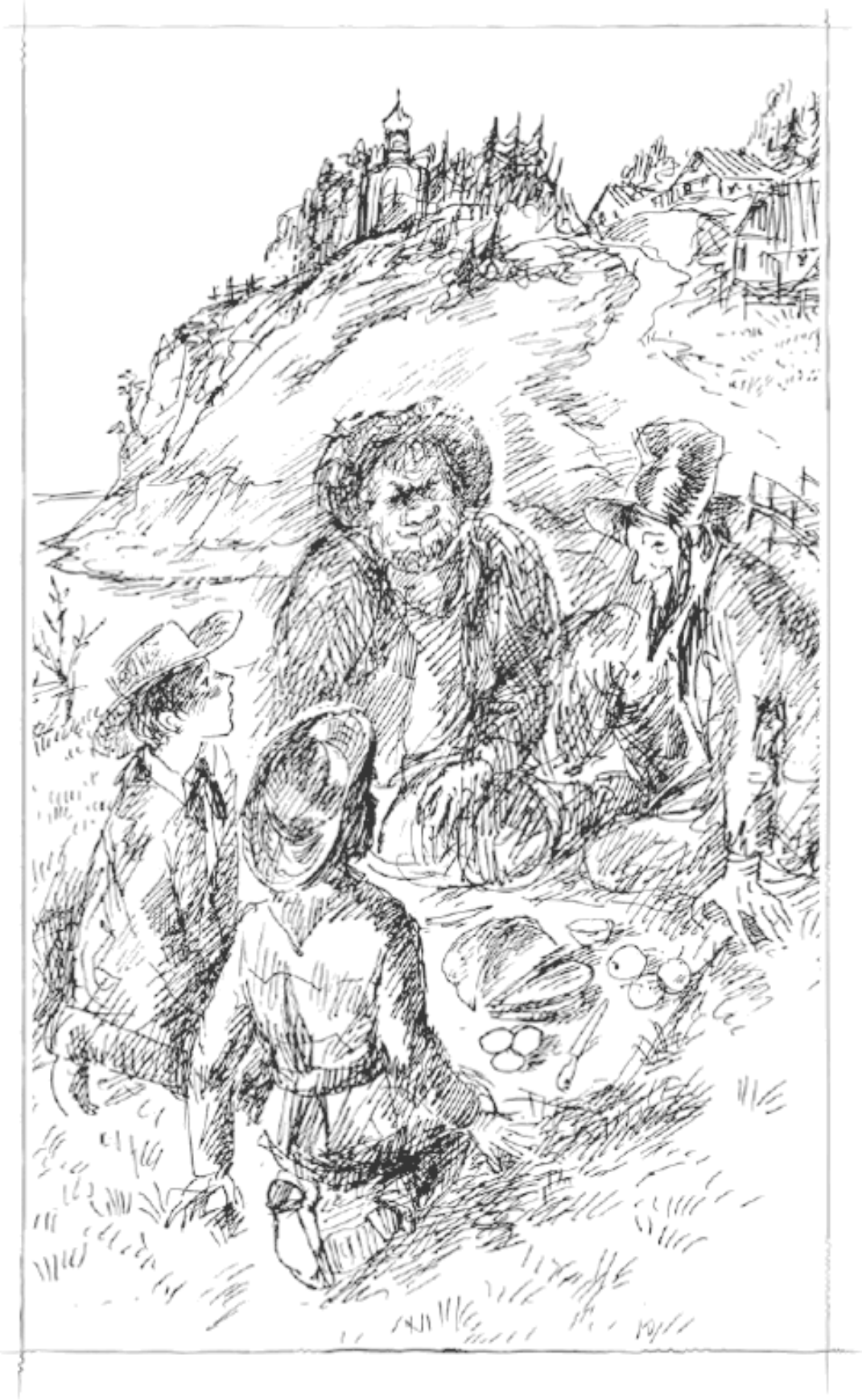
Мы привскочили от неожиданности. Две высокие и странные фигуры выросли перед костром.

Рваные пиджаки, опорки на ногах, предательски показывавшие пальцы, холщовые котомки за плечами выдавали в незнакомцах бродяг.

Не дожидаясь ответа, они бесцеремонно уселись возле нас.

– Никак картошку едите? – осведомился один из них, забирая несколько картофелин. – Это хорошо!

Он усмехнулся. Это был детина высокого роста и богатырского сложения. Пиджак, разодранный на спине сверху до низу, был надет у него прямо на голое тело. Лицо, красное, изрытое оспой, все заросшее рыжими волосами, показалось мне зверским, отталкивающим.



Его товарищ, немного пониже ростом, обладал более симпатичной физиономией. Рядом с рыжим он выглядел слабым ребенком.

Сутуловатая фигура, время от времени передергивавшаяся странной дрожью, делала его беспомощным, несчастным на вид. Бледное, испитое лицо, еще молодое, но уже одряхлевшее от неправильной жизни, с мягкой маленькой бородкой, было печальным и задумчивым, а кроткие глаза смотрели страдальчески.

Он тоже загреб себе часть нашей картошки, и оба принялись усердно уписывать ее, не обращая ни малейшего внимания на нас.

Мы потеряли всякий аппетит и со страхом смотрели на своих непрошеных гостей.

Картофель быстро исчез.

– А ну-ка, детки, может, у вас еще что есть? Страх жрать охота! – прогудел рыжий, уничтожив последнюю картофелину.

Мы даже попятились.

– Да вы не бойтесь! Худа не сделаем! – хмыкнул рыжий, заметив наше движение. – Не тронем!

Нас это мало ободрило. Двое бродяг казались нам очень ненадежным обществом.

– Вы не стесняйтесь! – шутил дальше рыжий. – Может, есть что еще? Так давайте сюда, Господь вас за это наградит.

Володька испуганно и растерянно бросил взгляд на лодку. Рыжий тоже ее увидел.

– Ну вот! – гаркнул он. – Наверняка в лодке что-нибудь найдется!

Он поднялся и пошел к шлюпке. Володька проводил его тоскливым взглядом. Мне хотелось вскочить и задать стрекача, но страх перед бродягами приковал меня к месту.

– Э-э! Да тут чего только нет! – раздался довольный крик рыжего. – И даже ружье!

Последние слова вызвали на лице моего друга гримасу страдания: ружье было самой ценной для нас вещью.

Бродяга появился возле костра, нагруженный всеми нашими пожитками.

– На, Косуля, держи! – сказал он, кидая свою ношу на землю.

Жестянки с кильками и сардинками, хлеб, белье – все очутилось в руках непрошеных гостей. Они занялись разворачиванием наших припасов. Мы, не смея вымолвить ни слова, следили за грабежом.

– Ишь ты! Ай да мальцы! Запасливый народ! Не то, что мы, бродяги, – выразил рыжий свое восхищение.

Мы трепетали от страха, наблюдая, как наша закуска исчезала в обширных глотках бродяг. А они, не смущаясь ничем, плотно закусили и остаток спрятали в холщовые сумы.

Рыжий не без удовольствия осмотрел белье, с любопытством разглядел большую диковинную метку на моей рубашке, старательно вышитую тетей Милей, несколько раз ощупал полотно и с довольным видом упаковал его в мешок, как будто это была самая обыкновенная находка. А затем принялся вертеть в руках двустволку.

– Славное ружьецо! – он даже крякнул от удовольствия. – И не дешевое! Поди, хорошо палит. Ведь и я когда-то охотился, да!

Мы молились в душе, чтобы судьба избавила нас от пришельцев. Но бродяги и не думали уходить. Они расположились возле костра вполне спокойно, словно и не думали грабить нас.

– Небось струсили, мальцы? – усмехнулся мне Косуля.

Он до сих пор молчал и только теперь почему-то вздумал заговорить.

– Н… нет… – отозвался я, хотя чуть не щелкал зубами от страха.

– А что вы делаете тут? – снова спросил он. – Али едете куда?

– Да…

– Далеко?

Я взглянул на Володьку. Тот тревожным взглядом дал мне понять, что нечего особенно распространяться.

– Нет… так… катаемся… – процедил я.

– Знаешь, Косуля, ведь это беглецы! Истинный Господь, беглецы! – рявкнул весело рыжий. – Ей-ей! Верно ведь? – обратился он к нам.

Мы промолчали.

– Ну, чего молчите? Не стесняйтесь! Нам можно сказывать, мы свои люди, не выдадим. Сами тоже в бегах состоим!

И рыжий принялся весело хохотать.

Меня передернуло от его слов. Еще бы! Нас, путешественников, он посмел сравнить с собой! Если бы не страх перед этим рыжим детиной, я вступился бы за нашу поруганную честь.

– Знаю я вас! Дома скучно стало, воли захотели! Что ж, дело хорошее: воля, она всегда сладка! Вот мы – совсем вольные птицы. Не сиделось нам в хоромах да стенах. Ты вот Косулю-барина спроси, – небось тоже в емназии был, в Америку какую-то, как и вы, мальцом бегал… Ну, а теперь от полиции бегает. И то дело! Верно, Косуля?

Косуля слушал веселую болтовню товарища, хмуро насупившись.

– Ладно. Не приставай к ним! – заметил он, и что-то ласковое сверкнуло в его глазах. – Вы и впрямь из дому утекли?

Мы смутились.

– Да вы не бойтесь, говорите! – Косуля дружелюбно похлопал меня по плечу. – Куда собрались?

Тон голоса подкупал, и у меня невольно вырвалось:

– В Финляндию.

– В Финляндию?!

Косуля посмотрел на нас, потом на лодку.

– Это в этой-то лодчонке?

Володьку явно задел такой пренебрежительный отзыв об «Орле снеговых гор». Он зло посмотрел на Косулю и вступился за шлюпку:

– Это хорошая лодка!

– Хороша-то хороша, – согласился Косуля, – а все ж не дело в ней на Ладогу выезжать. Там и потонуть нетрудно.

Он задумался на минуту, потом очень ласковым тоном обратился к своему товарищу:

– Рыжик, давай отдадим им пожитки!

Рыжик недоуменно вытаращил глаза на Косулю.

– Ишь чего выдумал! Они дома другие найдут!

– Отдадим, Рыжик, а? – тем же тоном, но уже настойчивее повторил Косуля.

И тут на наших глазах совершилось нечто удивительное: тщедушный Косуля постепенно уломал рыжего великана.

Сначала Рыжик и слышать не хотел о возвращении нам наших припасов. Он яростно ругался, и мне казалось, что недалека та минута, когда он в ярости одним ударом прикончит своего товарища. Но этого не случилось. Косуля только повторял ласково-настойчивым тоном:

– Да отдадим, Рыжик. Отдадим…

И рыжий затих. Он выбросил из сумы все съестное, забранное у нас, благоразумно забыв в ней белье, и ворчал как укрощенное животное:

– Завтра жрать нечего будет… Тоже мне, благодетель нашелся!

– Ничего, достанем! – беспечно ответил на его воркотню Косуля. – Берите, мальцы! – и он придвинул к нам жалкие остатки наших припасов. – В дороге пригодится!

Мы не решались двинуться с места, так как Рыжик еще до конца не успокоился.

– Слушайте… Вы возьмите себе это, – робко произнес Володька, – только… Только ружье оставьте…

В его голосе не было слышно ни капли надежды на то, что бродяги согласятся на подобный обмен.

Но те неожиданно рассмеялись.

– Ружье-то отдадим! Несподручно нам с ним. Ружья нам не надо.

Мы облегченно вздохнули.

– А это возьмите себе… Мы достанем еще, – снова произнес Володька.

Косуля не возражал. Рыжий не замедлил снова наполнить суму.

– Дожили! – ворчал он. – Молокососов спрашивать стали! Не хватает еще у станового пристава[10] благословения просить!

Косуля не обращал внимания на ворчание товарища. Он сосредоточенно смотрел на огонь. Грустная задумчивость появилась на его лице и сгладила черты, неожиданно облагородив их. Он думал о чем-то. Может быть, воспоминания, нахлынув вдруг на бродягу, перенесли его в прошлое.

– Значит, вы в Финляндию… и на лодке… – тряхнув головой, будто отгоняя что-то неприятно-назойливое, произнес он. – Вы лучше на пароходе поезжайте!

– Как это? – спросил Володька.

– Да просто! Завтра пароход сюда придет, который в Сердоболь и на Валаам ездит… Вы и садитесь, он вас до Сортанлаксы задарма довезет… А это уже Финляндия. Вам же больше ничего и не нужно… Там все одно небось пешком пойдете?

– Как это задаром? – заинтересовались мы.

– А как «на пушку» ездят. Обыкновенно!

– На пушку?

Мы от удивления вытаращили глаза.

– Ну да, на пушку. Это все одно, что нашармака[11]. Вы малые, видно, фартовые[12], сумеете. Всех безбилетных высаживают на этой чертовой Лахте. А на пароход завсегда сядете без билета – контролю там нет…

Мы с Володькой переглянулись: бродяга подал прекрасную мысль.

– А что, Володька, не поехать ли?

– Можно… Ведь это скорее будет. Только вот с лодкой как быть?

– А лодку вы продайте, – продолжал наставлять нас Косуля. – Поутру в Шлиссельбурге ступайте к лодочнику Василию, напротив крепости, он купит… Ружье тоже продать можно.

– Ну нет! – в один голос запротестовали мы; ружье было для нас самой необходимой принадлежностью путешествия.

За беседой миновала ночь.

Слабая, бледная улыбка рассвета поплыла по небу. Туман легкой дымкой упал на воду. Лес наполнился веселым щебетом птичек, и с мохнатых лап елей падали крупные капли росы.

Костер стал гаснуть.

– Ну, пора нам, пойдем!

Рыжий грузно поднялся на ноги и показался мне еще выше ростом, чем раньше.

Косуля последовал за ним.

– Прощайте, мальцы! – произнес он, кивнув головой.

---

[10] *Станово́й при́став* – полицейский чин.

[11] *Нашармака́* – за чужой счет, даром (*жарг.*).

[12] *Фарто́вый* – удачливый, везучий (*жарг.*).

И бродяги пошли прочь. Их черные силуэты резко выделялись среди прозрачного тумана, и на одном из них странно болтался разодранный сверху до низу пиджак, будто силясь соскочить со спины.

Рыжий и Косуля скрылись за деревьями и хриплыми голосами затянули заунывную песню о бродяге:

По дальним степям Забайкалья,
Где золото роют в горах…

Песня разносилась по лесу, и проснувшаяся кукушка меланхолически-задумчиво отозвалась на ее звуки. Откликнется пару раз и замолчит, словно прислушается и потом закукует снова…

Костер догорал. Тлело несколько сучьев, покрываясь налетом серого пепла, и дым, будто отсыревший, оседал книзу, полз по земле.

Восток зарумянился. Мелкие облака, как кусочки белой хлопчатой бумаги застывшие неподвижно на бледном небе, оправились в золото с одного края и отражались в Неве, тихо шуршавшей водой о береговой песок.

– Эх, ограбили нас… начисто, – проговорил Володька, обозревая со всех сторон ружье.

– Хорошо еще, что нас не тронули, – заметил я, в душе довольный бродягами. – Есть-то и они хотят.

– Хотят-то хотят, – согласился Володька. – Так, значит, на пароходе поедем теперь?

– Конечно! А то как же?

– Ну, конечно, на пароходе! Это еще лучше лодки.

– Я просто так спросил… Ну, теперь к лодочнику Василию? Поплыли, что ли, не торопясь?

До Шлиссельбурга было не более версты. Он ясно виднелся перед нами.

Крепость выступала посередине реки неприветливой черной громадой, и над ней розовел восток, улыбалось утро. Кучка домов разбежалась по берегу и потонула в садах. За ними высились фабричные трубы, как подпиравшие небо столбы, а налево вдали массивной колонной выдавался Кошкин маяк.

Глава 4

Лодочник Василий. – Мы «продаем» лодку. – Урядник. Неприятность с ружьем. – Отступление.

Первый солнечный луч заиграл в тихо колыхавшейся воде. Он разлился мягкими струйками и задрожал, запереливался легкими золотистыми искрами.

На крепостной громаде словно кровь запеклась – до того красными казались солнечные лучи, отражавшиеся от мрачных камней. А на небе весело и радостно зарумянились курчавые облачка и, будто только что проснувшись, медленно и неуверенно двинулись по серому еще фону неба.

Было не более четырех часов утра.

Вскоре впереди появилась церковь. До этого ее почти полностью скрывал высокий холм, и были видны только два облезлых золоченых купола. Теперь же она показалась вся, белая, прикрытая лишь несколькими деревьями.

Наискось от церкви, у входа в Ладожское озеро, тянулись крепостные стены. Они острым выступом сходились перед нами и своей неприглядной массой навевали неприятные мысли.

Кое-где в массивных, сложенных из грубого камня стенах просовывались сквозь отверстия мертвые, давно замолкшие навеки жерла пушек, да за этими стенами виднелись маленькие окна, задернутые толстыми железными решетками.

Мне вспомнились таинственные толки о людях, наполняющих в настоящее время крепостные казематы. Толки передавались шепотом, с опаской, отчего и эти люди казались мне необыкновенными, таинственными, даже, пожалуй, чуть-чуть страшными, вроде каких-то рыцарей Средневековья. О них говорилось шепотом, и зачастую передавались самые нелепые истории. И всему верили, что бы только ни говорилось про крепость! Этих людей называли страшными словами «государственные преступники», и поэтому сами они казались мне окруженными непроницаемой таинственной завесой, вроде знаменитой Железной маски[13].

Я пожирал глазами крепость, жадно впиваясь взглядом в маленькие окна – в надежде увидеть хоть кого-нибудь из заключенных. И сердце у меня трепетало, сжимаясь каким-то особенным чувством, вроде того, которое охватывает ребенка, когда он слушает знакомую сказку и с трепетом ждет страшного места.

Но никого увидеть мне не пришлось.

– Слу-у-ша-а-й!.. – пронесся унылый выкрик какого-то часового и заставил меня вздрогнуть.

Ему отозвался второй такой же возглас, и оба они замерли жалобным стоном вдали, на озере, где рассыпáло снопы веселых лучей солнце, зажигая ими воду, украшая церковь и мрачное чудище, сжавшееся между двух берегов.

Чудище словно стонало.

– Похоже, здесь! – вывел меня из задумчивости Володька.

С правого берега примостился плот перевозчика. Возле него покачивалось несколько яликов. С плота свесился мальчишка в ситцевой синей рубашке и зачем-то болтал руками в воде.

Мы направили лодку к плоту.

---

[13] *Железная маска* – персонаж романа Александра Дюма, несправедливо заключенный в тюрьму и вынужденный носить маску, чтобы скрыть лицо.

Мальчишка вскинул на нас глаза, да так и остался лежать на животе, явно пораженный нашим видом.

– Здесь перевозчик Василий? – спросил у него Володька.

Мальчишка ответил не сразу. Он еще пару секунд таращил глаза то на меня, то на Володьку, потом поднялся на ноги.

– Слышь, Василий здесь? – нетерпеливым тоном повторил Володька, недовольный назойливыми взглядами мальчугана.

Мальчишка утвердительно кивнул головой.

– Нам его нужно. Позови!

– Пошто? – задал вопрос мальчуган.

– Лодку не купит ли…

Глаза мальчугана скользнули по шлюпке, потом снова смерили нас.

– Сичас! – кинул он нам и вприпрыжку направился к маленькой будке на берегу.

Мы остались ждать в лодке.

Минуты через две из будки вышел человек, сутуловатый, в красной рубашке и широких шароварах. Он как-то боком высунулся на плот.

Фигура лодочника Василия показалась нам далеко не презентабельной. Сухое лицо, на котором двигались все мускулы, было покрыто веснушками. Один глаз затянут бельмом, отчего Василий глядел, чуть наклонив голову к правому плечу. Это накладывало на всю его физиономию печать хитрости, лукавства.

Он подошел к лодке.

– Вы, что ль, меня спрашивали?

Мы объяснили, что нам нужно, и начался осмотр лодки.

Василий подозвал к себе дюжего мужика, починявшего на берегу ялик, и с его помощью втащил нашу шлюпку на плот.

Кривой принялся обозревать ее со всех сторон. Он ощупывал каждую доску, всюду остукивал лодку, прикладывался ухом к килю и снова стучал. Потом поскоблил в некоторых местах краску, покивал рыжей головой, бормоча себе что-то под нос.

Мы стояли возле. Володька облокотился на ружье и замер в горделивой позе, не трогаясь с места.

Шлиссельбург еще спал. Только несколько барочников вылезли из баржи и завтракали перед началом работы, да подъезжали к Неве бочки за водой.

Осмотр лодки кончился. Василий вскинул на нас быстрый, бегающий взгляд. Один его глаз на секунду остановился на Володьке, скользнул с какой-то неуловимой усмешкой по моей фигуре и забегал по сторонам, а второй оставался спокойным, отчего лицо лодочника казалось раздвоившимся: одна половина живая и быстрая, передергивавшаяся по сторонам, а другая мертвая и спокойная.

– Сколько за лодку-то?

Мы не имели ни малейшего представления о стоимости лодки.

– Сколько дашь?

– Твой товар – спрашивай! Я, может, рубль предложу. Ты цену говори.

– Пять рублей… – нерешительно протянул Володька.

Покупатель хитро усмехнулся, как-то особенно тряхнул головой и снова насмешливо посмотрел на нас.

– А где лодку слямзили?

Вопрос ошарашил нас.

– Как это слямзили? – проговорил Володька.

– Ну, украли – все одно… – торопливо кинул Василий.

Я возмутился.

– Как украли? Лодка наша!

– Ваша?

Лодочник бросил на меня острый взгляд своего одного глаза.

– А вы откудова?

– Из Беляева.

– А живете где?

Я назвал тетину дачу.

– Знаю, – буркнул подозрительный покупатель, его сомнения, видимо, рассеялись. – А только лодка пяти-то не стоит… Хошь зеленую?

Три рубля нам казались немалыми деньгами. Володька был явно не прочь уступить лодку за эту сумму. Он как-то нерешительно посмотрел на меня, потом на лодку.

– Давай четыре, – попробовал было поторговаться он, но очень слабо.

– Чего четыре? Бери зеленую… Больше не стоит… Видишь, поношенная лодка-то? Смотри, какой киль.

Лодочник говорил суетливо, торопясь, как будто «зубы заговаривал». Руки его беспокойно бегали по опрокинутой шлюпке, и гибкие быстрые пальцы барабанили по килю.

Киль у лодки был самый обыкновенный, ни капли не испорченный, да и вся она была еще прочная, почти новая. Однако под влиянием слов покупателя мы виновато поглядели на киль, словно он и на самом деле был никуда не годен.

Василий вынул громадный кошелек, засаленный и грязный, словно служивший своему владельцу сто лет.

– На вот, получай! Это уж так, – мальцов люблю… А лодке-то рубль цена, ей-ей…

Володька взял трехрублевку.

Василий, довольный покупкой, потер руки, захрустев суставами пальцев.

– Где здесь пароходы, что к Валааму идут? – спросил у него Володька, не меньше покупателя довольный сделкой. Ведь теперь наша казна достигла неимоверной суммы в одиннадцать рублей и мы чувствовали себя богачами!

– Что, али на Валаам собрались?

– Нет… Встретить надо… дядю, – соврал мой друг.

– А! – Василий снова усмехнулся в бороду. – Вон у озера пристань, видишь? Вон тама. Должно, к десяти пароход из Питера придет…

Мы сошли на берег.

Кривой хихикнул нам вдогонку и стал с довольным видом осматривать свою покупку.

– За сколько купил? – спросил нас мужик, который помогал лодочнику поднять нашу шлюпку на плот.

– За три!

Мужик даже рот раскрыл.

– Эх-хе! Ну и надул он вас! На-а-дул… – протянул он. – Да лодка-то целковых[14] двадцать верных стоит! Да-а, две красненьких, не меньше… Эх-хе…

Мужику было крайне обидно за то, что в кошельке хитрого лодочника осталось лишних семнадцать рублей. Он даже плюнул с досады и сердито отвернулся от нас.

Теперь нам пришлось раскрыть рот от недоумения.

Первым нашим желанием было пойти обратно к хитрому лодочнику, так ловко нас одурачившему, но, пока мы решались снова ступить на плот, новое лицо заставило нас отказаться от мысли поправить неудачную сделку. Это был урядник.

Откуда он появился в такой ранний час и как он наткнулся на нас, мы, конечно, знать не могли. Мы даже не заметили его появления.

---

[14] *Целко́вый* – один рубль; первоначально так называлась серебряная монета такого достоинства.

– Эй! Откуда у вас ружье?

И с этим возгласом перед нами, как исполинский пень, выросла фигура, до невероятности перетянутая кушаком[15]. Я толком не успел разглядеть его – не было ни времени, ни особенного желания.

Мы с Володькой сильно струсили и растерялись, будто пойманные на месте преступления. Мне в первую секунду даже показалось, что урядник уже знает о нашем бегстве из дому.

– Откуда?

Толстый, шершавый указательный палец застыл, направленный на ружье.

Мы молчали. Я стоял рядом с приятелем, бросая украдкой взгляды в сторону, намечая путь к бегству. В эту минуту у меня на душе сделалось тоскливо. И озеро вдруг особенно заманчиво улыбнулось блещущим простором, зеленая стена леса поманила к себе.

Встреча со стражем порядка совсем не входила в наши расчеты. К тому же урядник протянул руку с явным намерением завладеть ружьем.

Это было уже слишком! Быстрый взгляд Володьки в мою сторону, два сильных прыжка – урядник остался в грозной позе перед лодочником, вылезшим посмотреть на эту сцену. Его рука так и застыла на секунду протянутой перед самым носом кривого, словно хотела вцепиться в его огненные волосы.

Мы понеслись. Вдогонку раздался свисток, зычный окрик урядника и торопливый стук его тяжелых сапог.

Мы неслись как вихрь. Повернули в узкий переулок, испугав какого-то карапуза, вылезшего в одной рубашонке на улицу и еще протиравшего заспанные глазенки. Маленькая собачонка, залившись визгливым лаем, выскочила за нами с лукавой целью уцепиться за ноги, но скоро отстала, и новый взрыв ее лая оповестил нас, что она занялась урядником.

Два-три переулка избавили нас от попечений урядника. Мы, измученные, тяжело дыша, выбрались на какой-то пустырь на берегу озера.

Отсюда была видна пароходная пристань, и мы, решив дожидаться прибытия парохода здесь, расположились под прикрытием чахлых кустов и предались отдыху.

Перед нами широко раскинулось озеро, как безбрежное море. По веселому простору, сверкая нарядными гребнями, гуляли мелкие волны, сталкивались друг с другом и мягко набегали на песок берега.

Несколько барок лениво тянулись на буксире, и до нас вместе с частью черного, едкого угольного дыма долетала разрозненная брань барочников. Кое-где белели паруса лодок, укрываясь за горизонтом, вдали мелькали чайки, теряясь в белом облачке и появляясь вновь в голубой выси.

– А ведь нам, Ленька, и на пароходе с ружьем туго будет, – заговорил Володька, – вертя в руках ружье.

– Пожалуй… – согласился я. – А что же делать?

– Не знаю… Зря мы лодку кривому продали. Смотри, как тихо на озере. Ведь на море моряки в бурю иногда спасаются после крушения на обломках, и хоть бы что. А мы на лодке струсили! – и Володька недовольно мотнул головой.

Довод был сильный. Против него я возражать не мог.

– Но ведь мы, чтобы скорее… – все-таки заметил я.

– Скорее… А ты еще подумай, как без билетов ехать… Так тебя и пустили на пароход даром!

Я об этом еще не думал, и слова друга пробудили в моей душе беспокойство.

– Но что тогда? – решился я спросить.

– Ничего тогда – пешком надо будет идти. А так на лодке плыли бы.

---

[15] *Куша́к* – матерчатый пояс.

– Но на пароход-то попробуем все-таки пройти?

– А то как же? – Володька посмотрел на меня с удивлением. – Вот только ружье… Здесь-то без ружья еще ничего, а в Америке? Тут коровы да, может быть, волки какие-нибудь водятся, а там-то бизоны да ягуары разгуливают… Без ружья не походишь!

Ружье начинало доставлять нам неприятности. Мы оба в душе ругали бродяг, навязавших нам мысль ехать на пароходе, да заодно и себя.

– Нам бы завернуть его во что-нибудь, – снова заговорил Володька. – Приклад можно снять… Будто что другое завернуто. На пароходе же ружье нам не понадобится.

Это была хорошая мысль, но в нашем распоряжении не имелось ни клочка бумаги, ни одной тряпки.

– Эх, можно было бы в белье завернуть! – и я с досадой вспомнил бродяг.

– Да, черти, унесли все! Обрадовались! Будь у меня тогда в руках ружье, я бы…

Однако Володька не стал продолжать, вспомнив, вероятно, о том, как «храбро» были мы настроены в присутствии бродяг.

– Разве что купить рогожу… – посоветовал я.

– Купить-то можно, – согласился Володька, – а идти-то как? Этот длинный черт урядник еще увидит.

Я немного знал Шлиссельбург. Живя по соседству, я иногда посещал его.

– Ты подожди здесь, а я пойду куплю, – решился я выпутаться из затруднительного положения.

– Ну ладно, – обрадовался Володька. – Я ружье разберу пока. А ты и пожрать чего-нибудь купи.

Я отправился и без всяких приключений раздобыл старый мешок из-под картофеля, купил пару огурцов, колбасы, хлеба и благополучно возвратился к товарищу.

Володька успел снять с ружья приклад, и мы тщательно завернули части ружья вместе с патронами и пороховницей. Пакет получился удобный и совсем не подозрительный.

Мы успокоились.

Около десяти часов утра на пристани поднялась сутолока, – прибывал пароход. Кучка мужчин и женщин, собравшаяся на пристани, пришла в движение, и неизменная при этом брань гулом встала в воздухе.

Через несколько минут пристань затрещала и покачнулась от удара: из-за нее показался нос большого двухпалубного парохода. На нем красовалась надпись: «Петр I».

Мы бегом кинулись к пристани.

Глава 5

Валаамский пароход. – Богомольцы. – Штурман Владимир Иванович, полумонах. – Как я предъявлял билеты. – Ангельское терпение моряка. – Неприятности. – Толки про нас. – Безбилетный.

На пристани кучкой столпились пассажиры. Три женщины перебранивались из-за очереди у кассы. Двое осанистых богомольцев, краснощеких, пузатых, в сапогах бутылками, хохотали раскатистым смехом и подзадоривали бранящихся баб.

– Ты за волосы ее, корявую-то!

– Поддай жару!

«Корявая» огрызалась в ответ и прямо надвое разрывалась, ухитряясь одновременно ругать и своих сотоварок, и купцов, к великому удовольствию последних.

Визгливые вскрикивания готовых подраться баб вместе с площадной руганью привлекали к себе внимание. С парохода высунулось несколько любопытных голов. На берегу стали собираться досужие прохожие.

Пароход терся железным бортом о пристань и жалобно скрипел. Открытый вход прямо на нижнюю палубу никем не охранялся, и мы под шумок беспрепятственно проникли на судно.

Здесь, на нижней палубе, помещались пассажиры третьего класса.

Всю середину помещения занимал громадный выступ машинного отделения. Это было металлическое возвышение из толстого листового железа, усеянное большими заклепками. Его центр занимала широкая пароходная труба, сзади к нему примыкал камбуз[16]. Носовую часть палубы занял буфет, и для пассажиров оставалось очень небольшое пространство на скамьях вдоль пароходных бортов. Здесь было тесно и душно.

Пассажиры, большей частью богомольцы, заняли все уголки. Они поместились и на скамьях у бортов, и на выступе машинного отделения, несмотря на то, что он был довольно сильно нагрет. Узелки, кулечки, целые вороха всяких корзинок с провизией заняли все углы, и пробираться между ними было довольно трудно.

[16] *Ка́мбуз* – судовая кухня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.